

УДК 177.9

КРАХ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ
(из культурно-философского контекста конца XIX – начала XX века в России,
по материалам сборника о русской интеллигенции «Веги»)
С. В. Заруцкая

THE COLLAPSE OF THE INTELLIGENTSIA IDEOLOGY: THE CAUSES OF FAILURE
(cultural and philosophical context of the late 19th – early 20th centuries in Russia,
based on the book about the Russian intelligentsia «Vehi»)
S. V. Zarutskaya

Статья анализирует нравственные и этические воззрения интеллигенции конца XIX – начала XX века в России, ее призвание и роль, ошибки мировоззрения. Главным результатом исследования является вывод о том, что неудача интеллигентского дела – это в первую очередь крах идеологии, поэтому это вопрос не политический, а культурно-философский, этический.

The paper examines the moral and ethical views of the Russian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries: its vocation and role, and errors of outlook. The main result of the study is finding that the failure of the intelligentsia's activities is primarily a failure of ideology, so this issue is not political issue, but cultural philosophical and ethical.

Ключевые слова: интеллигенция, нравственные ценности, социальный эвдемонизм, религия человекобожия.

Keywords: intelligentsia, moral values, social eudemonism, religion of man God.

В конце XIX – начале XX века в России была осуществлена историческая попытка изменить социально-политический порядок всей страны. Говоря о прошлом из свершившегося будущего, мы можем сказать, что, раз после победы большевистской революции, интеллигенция как класс перестала вести свое существование, была уничтожена и морально и физически, то можно полагать, что ее появление и формирование на политической сцене истории, было обусловлено какой-то миссией, какой-то великой целью в обществе. В мировой истории интеллигенции отводится высокая почетная роль. О роли интеллигенции в мире и о тождестве основных целей русских интеллигентов с целями евразийцев говорит Р. Р. Вахитов: «Именно идеи, а не материальные факторы управляют историей, причем идеи не в современном номиналистическом смысле – как произвольные умственные конструкции интеллектуальной элиты, а в платоническом смысле – как эйдосы, умопостигаемые, духовные принципы, организующие жизнь народа во всех ее областях – от быта до политики. В этом смысле интеллигенция есть «духовный предводитель народа», и ее главная задача – выразить национальную идею, уже растворенную в бытии народа и его культуре, в теоретической форме – в форме идеологии. А в идеократическом государстве интеллигенция вообще призвана играть одну из ведущих ролей, представляя собой «мозг» общества и государства» [5, с. 216].

Умы людей конца XIX – начала XX века в России были заняты организацией поиском наикратчайшего пути к осуществлению Царства Божия на Земле. Идея, по сути своей благородна. При этом все необходимые компоненты к этому моменту сложились в уравнение:

- 1) народ, который надо спасать;
- 2) интеллигенция, которая считала себя в ответственности за страдания народа;
- 3) подходящая экономическая теория преобразования общества и политического устройства.

Теория научного социализма как нельзя лучше удовлетворяла эту потребность и вызвала наибольший энтузиазм и подъем в борьбе за идеал человечества XIX века. Идея прогресса, учение Маркса и Энгельса, которая пришла на смену средневековому мировоззрению, обещала привести человечество в социалистический рай. Главная тема эпохи: свобода человечества, высвобождение человека в истории, человеческая эмансипация. Как писал С. Н. Булгаков «социалистическая деятельность Маркса как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства, свободы по объективным своим целям, казалось бы, должна быть признана работой для создания царства Божия» [3, с. 271].

Заслугой интеллигенции, безусловно, является стремление подчинить свою жизнь некоему высшему трансцендентному началу, оторваться от земного существования с его бытом и мещанством. По этому поводу С. Л. Франк пишет: «Русская интеллигенция обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь» [7, с. 198].

Процессы, которые происходят в обществе, вне зависимости, сегодня, либо сто лет назад, имеют корни, свое происхождение, свою этимологию. Другими словами, каждое событие имеет свой background, фон. Поэтому для изучения какого-либо события в истории, необходимо анатомировать это явление. «Я твердо стою на том, – писал Н. А. Бердяев, – что всякий серьезный кризис с социальной и политической своей стороны является лишь поверхностью, лишь производным, корни же лежат в таинственной глубине бытия, а потому и выход из кризиса связан с перерождением этих глубин» [1, с. 9].

В данной статье мы анализируем основные мысли, которые стали системными для интеллигенции, и не

дали ей возможности реализовать царство Божие на Земле.

Под счастьем, как основной целью прогресса и социализма, подразумевается удовлетворение потребностей большего числа людей. Другими словами, обещает сытость. Такая точка зрения обожествляет роль потребности как таковой, и унижает человеческую суть. С одной стороны, рост потребностей и их удовлетворение является прогрессивным, так как освобождает человека от условностей бытового характера. Одновременно с этим возрастает область насыщения, которая подавляет деятельность духа и становится своего рода нравственной болезнью, происходящей уже не из бедности, а из богатства. Социальный эвдемонизм осуждается развитым нравственным сознанием из-за низменности его основного принципа. Как пишет С. Н. Булгаков в своей статье «Основные проблемы теории прогресса»: «Счастье есть естественное стремление человека, но нравственным является лишь то счастье, которое есть попутный и преднамеренный результат нравственной деятельности, служения добру. Если ж поставить знак равенства между добром и удовольствием, то нет того падения и чудовищного порока, которое бы не освещалось этим принципом. Идеалом с этой точки зрения могло бы явиться обращение человечества в животное состояние, как сопровождающееся минимальным количеством страданий» [4, с. 67].

К чему следовало подойти? Как пишет С. Л. Франк, задачами общества являются: «Самоценное развитие внешних и внутренних условий жизни, повышение производительности материальной и духовной, совершенствование политических, социальных и бытовых форм общения, прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень» [7, с. 198]. Именно такое направление воли, творчество во имя высших объективных ценностей, обусловило бы счастье человека и общества в целом. Соответственно, ошибкой было суживать такое понятие как счастье простым перераспределением благосостояния. «Нищий не может разбогатеть, если думает о равноправии» [7, с. 181]. Оскар Уайльд в статье «Социализм и душа человека» пишет: «Есть только один класс людей, который еще более своекорыстен, чем богатые, и это – бедные» [6, с. 93]. Известный социолог Эрих Фромм посвятивший множество своих работ теме здорового общества, особо выделяет и разделяет такие категории как «иметь» и «быть». Он пишет, что если ранее дихотомия человеческого существования была разделена вопросом «быть или не быть», то теперь она звучит уже иначе «иметь, или быть». Очевидно, что все больше и больше становится актуальной категория имения с той разницей, что русская интеллигенция рассматривала условия, как перераспределить народные блага для крестьян и рабочих, а современные тенденции направлены на обогащение только самого себя [8].

В XIX веке в России народническое направление пришлось по душе русской интеллигенции, потом распространилось и стало неким знаменем, стало олицетворением или воплощением интеллигентского духа. Интеллигенция, действительно имела на это право, или полагала, что имеет! Ощущение своего мессианства,

осознание своего высокого долга возвысило интеллигента в своих собственных глазах. Уверенность в своем мессианстве составляла едва ли не основу психологии народно-демократической разночинной интеллигенции: Чернышевский писал Добролюбову: «Мы с вами, сколько теперь знаю Вас, люди, в которых великодушия, или благородства, или героизма, или чего-то такого гораздо больше, нежели требует натура. Поэтому мы берем на себя роли, которые выше натуральной силы человека. Становимся ангелами, христиами» [10].

Противоречие в отношении религии составляет одну из почти неразрешимых проблем русского революционного сознания. Отказ от бога мыслился передовой интеллигенцией XIX века и в начале XX века как героизм, как высокая сознательность передового, просвещенного ума. В то же время евангельская образность, евангельская символика не отпускали от себя интеллигенцию. Исследователь М. А. Чегодаева пишет по этому поводу следующее: «Сопоставление революционной деятельности, и особенно революционного «мученичества», с апостольством и страстями Иисуса возникали вновь и вновь – и в настроениях самих революционеров, и в отношении к ним общества» [9, с. 216].

Кроме этого интеллигент возвышает и субъект своего поклонения. В результате чего возникает религия человекобожия. «Вдохновляясь ею, интеллигенция наша почувствовала себя призванной сыграть роль Провидения относительно своей родины» [2, с. 44]. Героизм самообожения был порожден неосознанным желанием – поставить себя на место Творца и творить историю по собственному замыслу. Религия человекобожия, считает Булгаков, есть шифр к сознанию революционера. Для этой революционной религии характерны глобальность и мания исторического всеислия, аскетическая вседозволенность и святость борца. Но, как указывал Бердяев, революционная святость – безбожная святость. Она есть безбожная претензия достигнуть святости одним человеческим и во имя одного человеческого. На пути этом искажается образ человека, ибо образ человека – образ и подобие Божье. По мнению Булгакова, героизм человекобожия – ложно понятый героизм. Он источник распада и обеднения личности. Превратив себя в единственного носителя добра и справедливости, революционер берет на плечи непосильную ношу; став заложником безумной идеи, он «героически» лишает землю престола Божия. Смысл жизни герой видит в искоренении зла. Но зло понимается не метафизически, не как наказание, не как результат греховности всего рода людского, а как итог политического несовершенства. Человекобог открывает путь человекозверю. Искушение всех сопровождается истреблением части. Рагуя за всеобщее равенство, спаситель человечества, по сути, отрицает равенство, так как возводит себя в ранг «право имеющего». Но когда человек предстает как создатель ценностей, то они теряют для него свой объективный характер и приобретают утилитарный характер. Отсюда неизбежно вытекает тезис: сколько людей, столько может быть и богов, и тот бог будет прав, у кого больше оснований.

Так отвергнув религиозную мораль, интеллигент-революционер отверг и саму мораль, заменив ее революционным морализмом. Личность оказывается перед жестким выбором: либо служить революции, т. е. «доб-

ру», либо быть ее противником. Такой интеллигентский морализм сужает сознание, человек перестает видеть смысл в идеалах красоты, эстетическое восприятие действительности сводится к минимуму. Несмотря на поиск научной обоснованности, революционное сознание антинаучно в широком смысле. Тому подтверждение – отсутствие интереса к отечественным философам и писателям с мировым именем, равнодушие к чистому, «непартийному» знанию. Узость мировоззрения и полная уверенность в своей правоте создают особую форму ханжества. Самоцензура и одержимость мученичеством заставляют требовать того же от окружающих. Революционер любит не реального человека со всеми его слабостями и недостатками, а человека должного. В этом причина подозрительности, вплоть до ненависти к негерою, не-революционеру. Можно сказать, что социальное преобразованием начала века для их успешного завершения не хватало просто работоспособных и обязательных людей. Таких людей способно рождать общество, взявшее в качестве эталона христианские ценности. Настоящий герой всегда труженик, его отличают искренность, терпимость, сосредоточенность. Эти качества были отнюдь не превалирующими у героя-революционера. Наоборот, преобладали преувеличенное чувство своих прав, экзальтированность, авантюризм, нетерпимость. Революционный героизм не требовал глубокой работы ума. Достаточно было принять подходящую программу социальных преобразований и героическим рывком подготовить себя к подвигу во имя нее. Нужно признать, что герою не откажешь в наличии сильной воли, обеспечивающей концентрацию усилий для достижения цели. Но воля не равнозначна совести, волевой – не значит нравственный.

Булгаков ищет альтернативу интеллигенту-революционеру и находит ее в типе христианского подвижника, который имеет противоположный интеллигентскому духовный фундамент, принимает иной критерий нравственно-религиозной самопроверки. «Здесь-то и обнаруживается решающее значение того или иного высшего критерия, идеала для личности: дается ли этот критерий самопроверки образом совершенной Божественной личности, воплотившейся во Христе, или же самообожествившемся человеком в той или иной его земной ограниченной оболочке (человечество, народ, пролетариат, сверхчеловек), т. е. в конце концов, своим же собственным «я», но ставшим пред самим собой в героическую позу» [4, с. 55]. Если герой заиклен сам на себе, то подвижник, подчеркивает Булгаков, верит в божественный промысел, перед которым он смиряется подвигом веры. Для него главное – борьба с греховными сторонами своего «Я», аскеза духа, самоконтроль. Мож-

но добавить: подвижнику присущи чувство меры, выдержка, рассудительность, во взаимоотношениях с людьми – простота и открытость, милосердие и духовный такт. Именно подвижники останавливали всеобщее огрубление и одичание. Их героизм был национальным и вселенским одновременно. Подвижник не был пассивен в плане «внешнего устройства», но действовал по принципу: донеси сначала свой крест, а уж затем указывай путь другим. В отличие от секуляризованного героизма, христианское подвижничество есть требование, предъявляемое к самому себе. Булгаков пишет по этому поводу: «Задача героизма – внешнее спасение человечества (точнее будущей части его) своими силами, по своему плану, «во имя свое», герой – тот, кто в наибольшей степени осуществляет свою идею, хотя бы ломая ради нее жизнь, это – человекобог. Задача христианского подвижничества – превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием... Христианский святой – тот, кто в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до возможно полного проникновения волю Божией» [4, с. 60].

Булгаков пытается «дегероизировать» сознание, остановить эксперимент практического воплощения религии человекобожия. В качестве альтернативы он предлагает забытое, но не потерявшее ценности христианское подвижничество. Оно формирует качества, дефицит которых испытывали и испытывают радикальные реформаторы. Это, прежде всего, ответственность и дисциплинированность, искренность и терпимость, непричинение зла ближнему и послушание. Открытость Богу делает подвижника открытым для людей, способным к коммуникации. Он ведет поиск божественного центра человеческой души, ищет смысл жизни в вечности, признает ограниченность человека, его неспособность дать ответ на последние вопросы своего бытия. Отсюда – смирение и ощущение метафизического страха перед глубинами человеческой души. Любая эпоха продуцирует своих героев, призванных гуманизировать общество и вести его вперед. Героизм как повышенное осознание личностью своего призвания существовал и будет существовать. Вопрос в том, что лежит в основе того или иного героизма.

Соответственно, при глубоком изучении нравственной этимологии таких понятий как «героизм», «религия человекобожия», «социальный эвдемонизм» становится очевидным, что для поднятия общественного бытия на новый уровень, начинать работу следует с себя, своей ответственности, личного усовершенствования.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М., 1998.
2. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество: (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
3. Булгаков, С. Н. К. Маркс как религиозный тип / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. – Т. II: Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – 751 с.
4. Булгаков, С. Н. Основные проблемы теории прогресса / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. – Т. II: Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – 751 с.

5. Вахитов, Р. Р. Евразийцы и «Вехи» (о либеральном истоке классического евразийства) / Р. Р. Вахитов // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. – М.: Наука. – 2007. – 426 с.
6. Уайльд, О. Социализм и душа человека / О. Уайльд. – М.: Дилетант. – 1907. – Режим доступа: <http://read24.ru/read/oskar-uayld-dusha-cheloveka-pri-sotsializme/1.html#anch>
7. Франк, С. Л. Этика нигилизма / С. Л. Франк // «Вехи»: сб. ст. о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
8. Фромм, Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или Быть / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 604 с.
9. Чегодаева, М. А. «Вехи», «Околоуховская» полемика и искусство XIX века / М. А. Чегодаева // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. – М.: Наука, 2007. – 426 с.
10. Письмо Н. Г. Чернышевского Н. А. Добролюбову от 11 августа 1857 г.

Информация об авторе:

Заруцкая Светлана Валериевна – преподаватель иностранного языка МБОУ «Гимназия № 1», соискатель кафедры философии КемГУ, 8-961-716-09-99, intellect-center@rambler.ru.

Svetlana V. Zarutskaya – post-graduate student at Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2013 г.